

Н.И. Карбаинов

**СТРАТЕГИИ ОБОСНОВАНИЯ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ
НА ЗЕМЛЮ В СИТУАЦИИ ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ В г. УЛАН-УДЭ)***

Данная статья посвящена проблеме обоснования прав собственности на землю со стороны противоборствующих сторон спора — городских чиновников и «самовольщиков» (скваттеров) в ситуации правового плюрализма. Эта проблема раскрывается на примере исследования земельных споров в городе Улан-Удэ. В центре внимания анализа — конфликт вокруг так называемых «нахаловок» (незаконных поселений на самовольно захваченной земле). Я анализирую стратегии обоснования прав собственности на землю, к которым прибегают, с одной стороны, представители городской администрации, а с другой — жители «нахаловок» или «самовольщики» (как они сами себя называют). Стратегия обоснования прав собственности на землю, к которой прибегают представители городских властей Улан-Удэ, строится на апелляции к гражданскому и земельному законодательству, технологическим предписаниям и другим нормам, санкционированным государством. Стратегия обоснования, которую используют «самовольщики», строится как на апелляции к обычно-правовым представлениям, так и к нормам государственного права.

Ключевые слова: *правовой плюрализм, стратегии обоснования, права собственности.*

Keywords: *legal pluralism, justification strategy, property rights.*

В ходе земельной реформы, проводимой в России с начала 1990-х гг., произошел переход от исключительной собственности государства к множественным формам собственности на землю. Одним из послед-

* Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в 2005–2006 гг. при поддержке Фонда им. Генриха Бёлля (Московское представительство) в рамках авторского проекта «“Нахаловки” Улан-Удэ: социальные проблемы адаптации сельских мигрантов в городе» и в 2008–2009 гг. при поддержке РГНФ в рамках коллективного проекта «“Городские деревни”: антропология скваттерских поселений Улан-Удэ», № 08-01-00-476а.

ствий этой реформы явилось возникновение многочисленных земельных споров.

В данной статье я рассматриваю земельные споры по поводу так называемого «самовольного захвата земли» (с точки зрения государственного права) — проблемы, существование которой практически не замечалось в советское время, и которая стала актуальной в современной России. В рамках этой темы меня интересует проблема обоснования прав собственности на землю со стороны противоборствующих сторон спора — городских чиновников и «самовольщиков» в ситуации правового плюрализма.

Понятие «правового плюрализма» применяется для обозначения правовой ситуации, при которой сосуществуют две или более правовых системы в одном и том же социальном поле (Merry 1988: 807)*. С точки зрения концепции правового плюрализма, право не ограничивается только законами, административными предписаниями, решениями судов, принимаемыми различными государственными органами. Право понимается широко как совокупность когнитивных и нормативных порядков, выработанных и поддерживаемых в том или ином социальном поле (например, деревня, этническая общность, ассоциация или государство) (Moore 1973). Таким образом, наряду с государственным правом в одном социальном поле могут сосуществовать системы обычного права, религиозного права.

Под правами собственности я буду понимать легитимные притязания индивидов или групп на использование и (или) контроль над определенными экономическими ресурсами. При этом, согласно концепции правового плюрализма, легитимность притязаний выстраивается не только на апелляции к государственному праву, но и может основываться на апелляции к другим правовым системам (например, к обычному праву).

В качестве примера использования идеи правового плюрализма на российском материале можно привести исследование В.В. Бочарова. Анализируя правовые отношения собственности в России, В.В. Бочаров приходит к выводу о конфликте двух правовых культур, одна из которых основана на писаных законах (позитивном праве), а другая — на обычнo-правовых представлениях, которые воспринимаются большей частью населения страны в качестве легитимных (Бочаров 2004). Рассматривая отношение к праву собственности на землю в России, В.В. Бочаров и А.И. Рябкин полагают, что россияне имеют особое представление, «в котором чрезвычайно низок статус государственного закона в проти-

* Концепция правового плюрализма возникла в рамках юридической антропологии в противовес идеологии «правового централизма» (Griffiths 1986).

вовес обычному праву как главному носителю идеи справедливости в отечественной культуре» (Бочаров, Рябикин 2005: 151). Исследователи убедительно доказывают значимость обычно-правовых представлений в отношении к собственности на землю в России, но в их позиции имеется ряд спорных моментов. Во-первых, трудно согласиться с тем, что отношения к собственности на землю сводятся только к конфликту государственного и обычного права. Скорее можно говорить о «диалектических, взаимно конституирующих отношениях между правовыми системами» (Guillet 1998). Во-вторых, мне кажется спорным тезис о том, что обычно-правовые представления всецело определяют отношение к собственности на землю со стороны большинства населения страны. На мой взгляд, в земельных отношениях мы имеем дело со смешением норм государственного права с обычно-правовыми представлениями.

В данной статье я попытаюсь доказать вышеизложенные предположения путем рассмотрения стратегий обоснования прав собственности на землю. В качестве теоретической рамки я использую подход Л. Болтански и Л. Тевено. В центре внимания данного подхода — критическая способность акторов обосновывать свою позицию с точки зрения общезначимых принципов, или миров, «к которым люди апеллируют при критике злоупотреблений властью и поиске согласия в публичном пространстве. Эти принципы, или *«порядки величия»* (*«grandeurs»*) представляют собой особые формы оценки. Легитимность обращения к ним в ситуациях разногласия обусловлена тем, что они связаны с общезначимыми ценностями (*благами*)» (Тевено 2006: 287). Каждый подобный «порядок величия», или мир, основываясь на принципе эквивалентности, взывает к особому, принятому только в рамках данного мира, взгляду на справедливость (и, соответственно, на несправедливость). Л. Болтански и Л. Тевено выделяют шесть миров: вдохновения, известности, домашний (патриархальный) мир, гражданский мир, индустриальный мир и мир рынка (Болтански, Тевено 2000). Критика может быть либо внутренней для того или иного мира, либо направленной на альтернативные миры. Возможна также ситуация компромисса между несколькими мирами* (там же: 80–82).

Важная особенность этого подхода — реализм, внимание к вещам (как материальным, так и нематериальным). «Споры не являются толь-

* «Поиск компромисса предполагает попытку преодолеть критическое напряжение между двумя мирами, ориентируясь на общее благо, которое не включается полностью ни в первый, ни во второй мир, но содержит в себе элементы их обоих <...> В нашем понимании термин “компромисс” не является синонимом уступки или соглашения, достигнутого в результате уступок. Мы определяем его как действие, обусловленное значительно более сильными

ко вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов <...> Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, то есть описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» (там же: 67). Таким образом, стратегии обоснования — это не просто дискурсивные конструкции, но и определенные практики обращения к вещам (объектам) — «проверки реальностью». В моем случае, несмотря на то, что в ситуации земельного спора ключевым объектом является земля, необходимо также рассмотреть и другие менее спорные объекты (законы, технические предписания и др.), к которым апеллируют противоборствующие стороны.

Исходя из постановки проблемы и теоретической рамки исследования, цель статьи — рассмотреть стратегии обоснования прав собственности на землю в ситуации правового плюрализма на примере земельных споров в городе Улан-Удэ.

Данная статья основана на материалах полевого исследования, проведенного в городе Улан-Удэ в 2005–2009 гг. В центре внимания исследования был конфликт вокруг так называемых «нахаловок» — незаконных поселений на самовольно захваченной, с точки зрения государственного права, земле*. В первом разделе я рассмотрю историю появления и современное состояние «нахаловок» в Улан-Удэ, раскрою контекст возникновения земельного конфликта. Второй раздел будет посвящен стратегиям обоснования, которые используют представители городских властей в ходе земельного спора. В третьем разделе я проанализирую стратегии обоснования, к которым обращаются «самовольщики».

«Нахаловки» Улан-Удэ

«Нахаловки» — это (пост)советский аналог скваттерских поселений, широко распространенных по всему миру и известных под различными

ограничениями, ориентированное на поиск обоснования и осмысленности, на достижение глобального равновесия» (Тевено 1997: 79).

* В ходе полевого исследования были собраны следующие эмпирические материалы: интервью с жителями «нахаловок», с правозащитниками, с городскими жителями и представителями администрации города, материалы наблюдений (полевой дневник), материалы местных СМИ (газеты, телевизионные передачи, интернет-сайты), обращения, заявления и телеграммы жителей «нахаловок» к представителям власти. Большинство интервью были проведены в двух «нахаловках» Улан-Удэ: в поселках Солдатский и Новая Комушка. Хочу выразить благодарность всем моим информантам, и в первую очередь Евгению Дмитриевичу Боржонову, который оказал огромную помощь в проведении полевого исследования.

названиями (*favelas* в Бразилии, *gecekondu* в Турции, *barong-barong* на Филиппинах). Несмотря на ряд локальных особенностей, общим признаком всех этих поселений является «незаконный захват»* государственной или частной земли и строительство на ней жилых домов и других строений. На постсоветском пространстве «нахаловки» (или «самоволки», «самострои») существуют практически в любом крупном городе. Не стала исключением из этого ряда и столица республики Бурятия — город Улан-Удэ.

Появление первых «нахаловок» в Улан-Удэ связано с эпохой индустриализации 1930-х гг.** В это время Улан-Удэ, как и многие другие города Советского Союза, представлял собой строительную площадку, на которой возводились крупные промышленные предприятия. В результате индустриализации и сопутствующей ей урбанизации население города выросло в несколько раз, как за счет миграции из сельских районов Бурятии, так и за счет переселенцев из других регионов СССР. Город столкнулся с серьезной нехваткой жилья. Квартиры в немногочисленных благоустроенных домах, которые строили промышленные предприятия, распределялись в первую очередь среди специалистов и были фактически недоступны для большинства работников, вынужденных располагаться в так называемых «бараках». В результате многие переселенцы стали самостоятельно решать жилищный вопрос. Один из возможных способов решения проблемы заключался в том, чтобы огородить земельный участок и построить на нем дом либо с разрешения, либо без разрешения властей. Как отмечает Б. Жимбиев, строительство индивидуального жилья поддерживалось руководством промышленных предприятий, заинтересованным в закреплении рабочей силы на производстве, несмотря на то, что индивидуальная застройка (в том числе, с разрешения властей), нарушала градостроительные нормы, предусмотренные Генпланом города (Zhimbiev 2000: 59–60). Городской совет практически не мог воспрепятствовать появлению «самостроя», т. к. фактическая власть в городе (в том числе и контроль над землей), принадлежала промышленным предприятиям (Ibid: 59). В итоге на окраи-

* «Незаконный захват» с точки зрения норм государственного права, действующего в той или иной стране. Как отмечают Дж. Хардой и Д. Сатервейт, такие понятия, как «скваттерские поселения» и «грушобы», являются относительными понятиями и часто выражают взгляд городских чиновников на то, что является законным и незаконным (Hardoy, Satterthwaite 1989: 38).

** Вероятно, «нахаловки» существовали и в дореволюционном Верхнеудинске (так до 1934 г. назывался Улан-Удэ), но у меня нет в наличии данных, подтверждающих этот факт. Поэтому «нахаловки», появившиеся в 1930-е гг. я называю первыми.

нах Улан-Удэ выросли районы, почти полностью застроенные индивидуальными деревянными домами. Немалую часть этих домов, наряду с легальными постройками, составляли «нахаловки».

В 1960-1980-е гг. в Улан-Удэ, как и в других городах Союза, наступило время строительного бума массового общедоступного жилья. Произошло значительное расширение жилищного фонда Улан-Удэ: если в 1966 г. доля многоэтажных благоустроенных домов в жилищном фонде составляла 39,4 %, то в начале 1980-х гг. — 70,4 % (Минерт 1983: 159). Эти изменения позволили в какой-то степени решить жилищный вопрос: часть жителей «самостроя» переехали в благоустроенное жилье. С конца 1960 и в 1980-е гг. возведение индивидуального жилья в городе существенно сократилось (Zhimbiev 2000: 77).

Казалось бы, «нахаловки» должны были уйти со временем в прошлое, но в 1990-е гг. начался новый бум строительства самовольного жилья. В это время под влиянием социально-экономического кризиса, который ударил, прежде всего, по деревне, в город устремился массовый поток мигрантов из сельских районов республики*. Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для сельских мигрантов состоял в том, чтобы «огородить» (захватить) или купить/арендовать земельный участок в «нахаловках». Именно сельские мигранты в настоящее время составляют, по моим наблюдениям, большинство населения «самоволок», возникших в 1990-2000-х гг. Кроме сельских мигрантов, в новых «нахаловках» проживают также горожане, которые оказались там в силу разных причин (потеря городского жилья, неравный обмен). Особую группу владельцев земли и домов в «нахаловках» составляют так называемые «дачники» — горожане, имеющие собственное жилье и регистрацию в Улан-Удэ и использующие «самовольный» участок в качестве дачи**. Земля в «нахаловках», как я уже упомянул, приобретает различными способами. По результатам исследования можно выделить три наиболее распространенные стратегии приобретения земли: стратегия «самозахвата», или «огораживания», стратегия покупки и стратегия аренды.

Стратегия «огораживания»*** предполагает следующие шаги. Сначала выбирается место предполагаемого «самозахвата». После того как

* Более подробно о причинах и последствиях сельско-городской миграции в Бурятии в постсоветское время см. (Панарин 2005).

** Нередко дома «дачников» можно визуально отличить от домов сельских мигрантов.

*** Важно отметить, что стратегия «огораживания» пригородной земли характерна не только для сельских мигрантов, но и для городских чиновников и предпринимателей. Для примера, в пригороде Улан-Удэ существует «само

участок выбран, на нем забиваются колышки. В конце концов, занятый участок огораживается забором и на нем строится деревянный дом, который нередко перевозится из деревни. Вторая стратегия предполагает покупку дома с земельным участком в «нахаловке» либо у «самозахватчиков», либо у перекупщиков. Важно отметить, что «пустой» земельный участок, т. е. участок без дома, практически не пользуется спросом у покупателей. Третья стратегия предполагает аренду дома с участком у «самозахватчиков» или покупателей. Можно утверждать, что в «нахаловках» Улан-Удэ сформировался неформальный рынок купли/продажи и аренды земли с домами и другими постройками. При этом в данный рынок вовлечены не только сельские мигранты, но и городские жители.

Если в 1990-е гг. власти практически не обращали внимания на существование «нахаловок», то с принятием Земельного кодекса в 2001 г. администрация города стала оказывать давление на «самовольщиков». Летом 2006 г. судебными приставами в «нахаловках» были снесены несколько домов. В ответ на снос домов жители «нахаловок» провели ряд протестных акций: перекрывали федеральную трассу «Москва — Владивосток», проводили митинги на центральной площади города, направили обращение к президенту России. В результате власти временно приостановили исполнение судебных решений. Однако летом 2008 г. дома в «самоволках» снова стали сносить. Таким образом, противостояние администрации и «самовольщиков» за земельные участки продолжается с переменным успехом уже несколько лет. Каждая сторона спора обращается к определенной стратегии обоснования своих прав на эту землю. Рассмотрим позиции сторон: городской администрации и «самовольщиков».

Позиция городских властей

В этом разделе мы рассмотрим стратегию обоснования прав собственности на землю, к которой прибегают представители администрации Улан-Удэ. В основе данной стратегии находится идеология «правового централизма», согласно которой единственной легитимной системой права признается только система государственного права (Griffiths 1986: 3). Государственное право признается единственным ис-

вольный» коттеджный поселок, построенный на федеральной земле (Родионов 2008). Как отмечает А. Рой: «В последние годы стало очевидно, что неформальное жилье и земельные рынки не являются исключительно сферой интересов бедных, а важны также для среднего класса, и даже для элиты, городов второго и третьего мира» (Roy 2005: 149).

точником легитимации прав собственности. Важно отметить, что российская правовая система относится к традиции континентального права, в рамках которой право собственности представляется как некий неделимый монолит, в отличие от традиции общего (англо-саксонского) права, в которой право собственности рассматривается как совокупность правомочий различных собственников (Капелюшников 1990). Таким образом, представители власти в силу занимаемых позиций ограничены рамками системы государственного права и не могут апеллировать к другим правовым системам. С точки зрения концепции Л. Болтански и Л. Тевено, государственный аппарат, и в частности, государственное право, можно рассматривать как компромисс гражданского и индустриального миров*

Стратегия обоснования городских властей Улан-Удэ строится на основе индустриально-гражданского компромисса, но также происходит переключение и на индустриально-рыночный компромисс. Проанализируем основные аргументы представителей городских властей против жителей «нахаловки».

Земля, занятая «самовольщиками», является муниципальной или федеральной собственностью. В качестве примера можно привести выдержку из искового заявления прокуратуры Октябрьского района города Улан-Удэ: *«Прокурорской проверкой установлено, что летом 2004 г. гр. Ж., в нарушение действующего земельного законодательства, самовольно занял земельный участок, расположенный в поселке Новая Комушка г. Улан-Удэ, принадлежащий на праве собственности Улан-Удэнскому муниципалитету, на котором возвел жилой дом <...> Обязать Ж. освободить земельный участок, самовольно занятый под строительство жилого дома <...> обязать Ж. произвести снос самовольно возведенного дома».* Основная критика строится на отсылке к нарушению прав собственности муниципалитета на данный участок земли. Эти права подтверждаются действующим гражданским и земельным законодательством. Нарушение процедуры получения земельного участка в собственность, установленной государственным законом, становится основанием для оценки действий гражданина Ж. как «самовольных». В данном случае мы на-

* Ценности индустриального мира связаны с понятиями эффективности и профессионализма. Действия здесь нацелены на будущее, на инвестирование и планирование. Действующие лица — специалисты. В рамках гражданского мира люди оцениваются с точки зрения их принадлежности к коллективу. Действующие лица — федерации, сообщества, представители и делегаты. Объекты — правила, законы, кодексы, процедуры (Болтански, Тевено 2000: 77–79).

блюдаем критику с точки зрения гражданского мира. Ж. квалифицируется как гражданин, т. е. как член коллективной общности — граждане России. При этом гражданин Ж. обвиняется в нарушении законов, соблюдать которые обязаны все граждане РФ без исключения — «перед законом все равны». Законы, как известно, принимаются и утверждаются представителями власти, которые должны выражать общую волю всех граждан России. Земля в данном случае связывается с вещами гражданского мира — кодексами, законами, указами и т. д. В результате этого связывания создаются такие квалификации, как *«земля, принадлежащая на праве собственности Улан-Удэнскому муниципалитету»*, *«земли федерального подчинения»* и др. С точки зрения гражданского мира, не так принципиально, как используется земля, но важно, кто осуществляет контроль над использованием этой земли. В рамках гражданского мира не существует «ничейной земли», у земли всегда должен быть законный собственник.

Земельные участки, на которых воздвигнуты «нахаловки», не предназначены для строительства жилья, т. к. эти участки находятся на территории или «шумовой зоны», или «промзоны», или «затопляемой зоны». В качестве примера можно привести «нахаловку» в поселке Солдатском. Эта «нахаловка» построена на территории так называемой «шумовой зоны»: *«Проживание самовольщиков в шумовых зонах подлета самолетов — это большая проблема, — говорит начальник управления по работе с отдаленными микрорайонами Юрий Онгоржонов. — Проживание в этом месте опасно для здоровья людей, и их оттуда надо переселять. Это не наша прихоть, это интересы международного аэропорта “Мухино”, с которого, кстати, могут снять статус международного, если мы не выполним все необходимые требования»* (Шишкина 2007). Проживание «самовольщиков» в «шумовой зоне» представляет не только опасность для их здоровья (подлетающие самолеты скидывают остатки топлива в районе «шумовой зоны»), но и нарушает работу аэропорта. В данном случае, аэропорт «Мухино», чтобы сохранить статус международного, должен соответствовать *«необходимым требованиям»* — определенным технологическим предписаниям и стандартам. Таким образом, данный аргумент обосновывается с точки зрения индустриального мира. Земля связывается с такими объектами индустриального мира, как технологические предписания, аэропорт, самолеты. В результате создается ее квалификация — «шумовая зона».

В рамках индустриального мира, земля — это, во-первых, четко организованное и распланированное пространство, во-вторых — это ресурс развития, который используется в настоящем или будет использоваться в будущем. Важно, чтобы этот ресурс использовался эффектив-

но. В нашем случае, аэропорт «Мухино» с прилегающей «шумовой зоной» — это пример эффективного использования земли.

«Самовольщики» нарушают градостроительные нормы, «нахаловки» портят архитектурный облик города. Из интервью с главным архитектором Улан-Удэ: *«Там, где люди строятся на отведенных по правилам участках, строительство ведется в основном по утвержденным проектам. А вот избушки на курьих ножках — это в основном самоволка. С этим мы боремся, в том числе и в судебном порядке»* (Махачкеев 2006). Главный архитектор сравнивает действия законопослушных граждан с действиями «самовольщиков». Во-первых, законопослушные граждане строятся на отведенных *«по правилам»* земельных участках, т. е. соблюдают процедуру, предусмотренную законодательством. Во-вторых, свои дома они строят на основе *«утвержденных проектов»*. Подобные проекты должны утверждаться специалистами* и должны соответствовать определенным градостроительным нормам, которые прописаны в различных документах (ГОСТах и др.) и в первую очередь в Генплане города. Данный документ определяет план застройки городского пространства на многие годы вперед (обоснование индустриального мира) и имеет силу закона, соблюдать который обязаны все жители Улан-Удэ (обоснование гражданского мира). Таким образом, Генплан является воплощением индустриально-гражданского компромисса.

«Самовольщики» ведут строительство не по проектам, утвержденным специалистами, таким образом они нарушают градостроительные нормы, предусмотренные Генпланом города. Важно также отметить, что правильно спланированный город — это город, соответствующий эстетическим вкусам архитекторов (Скотт 2005). *«Избушки на курьих ножках»* портят, с точки зрения специалистов, архитектурный облик столицы Бурятии.

«Самоволки» мешают развитию города» (Шишкина 2007). В качестве примера опять приведем «нахаловку» в поселке Солдатском. *«Этим летом проблема самовольного строительства в Улан-Удэ обострилась до предела, став тормозом на пути развития особой экономической зоны на базе аэропорта “Байкал — Улан-Удэ”»* (Махачкеев 2008). Создание «Особой экономической зоны» можно рассматривать в качестве примера как индустриально-гражданского компромисса, так и индустриально-рыночного компромисса. «Особая экономическая зона» — это не только проект, ориентированный на эффективное развитие города в будущем (индустриальный мир), но и проект, который отвечает интересам всех жителей Улан-Удэ (гражданский мир).

* Специалисты являются значимыми лицами индустриального мира (Болтански, Тевено 2000: 79).

В качестве примера индустриально-рыночного компромисса можно привести следующий нарратив: *«Давно набила оскомину трасса в аэропорт, где расположены жилые дома — Раз нельзя там строить жилье — говорит Виктор Гаврилов [первый заместитель мэра Улан-Удэ — Н.К.] — можно возвести объекты промышленности, торговли. Желающих много. Это же федеральная трасса, а значит, большой поток клиентов, покупателей. К тому же организация туристской зоны предопределяет строительство самого аэропорта и инфраструктуры вокруг»* (Анхонова 2007). В данном случае запрет на строительство жилья не означает, что нельзя строить объекты торговли и промышленности. Земля в этом районе представляет большую ценность как для продавцов, так и для покупателей. Продавцы (в нашем случае городские власти, т. к. земля находится в муниципальной собственности) могут выгодно ее продать или сдать в аренду, используя то обстоятельство, что земля входит в состав «особой экономической зоны». Покупатели этой земли, в свою очередь, могут построить торговые и промышленные объекты, которые могут потенциально приносить высокую прибыль. Поэтому администрация ожидает возникновение высокого спроса на эти участки со стороны предпринимателей — *«желающих много»*. Здесь мы имеем дело с обоснованием с точки зрения мира рынка. Земля оказывается связанной с продавцами и покупателями — главными субъектами мира рынка. Таким образом, земля рассматривается как товар, причем товар, который имеется в ограниченном количестве. С другой стороны, данная земля, как я уже упоминал, является ресурсом развития города (индустриальный мир).

Таким образом, «самоволки» рассматриваются городскими чиновниками как препятствие на пути развития как «особой экономической зоны», так и города в целом. «Нахаловки» ассоциируются в первую очередь с сельскими мигрантами. Именно на сельских мигрантов возлагается вина за превращение Улан-Удэ в «большую деревню»: *«Деревенские жители переезжают в город вместе со своими домами и негородским образом жизни. Все чаще на окраинах города можно встретить стада коров, Улан-Удэ стал похож на большую деревню»* (Шевцова 2004)*. Сельские практики, которые привносят в город деревенские жители, рассматриваются как примеры «отсталости», «дикости». Городские практики, в свою очередь, считаются практиками «развитыми», «современными»,

* Мнение о вторжении «сельских чужаков» в пространство города характерно для многих горожан (Карбаинов 2007: 137). Каким образом проявляется разделение на «городских» и «головаров» («сельских чужаков») в молодежной среде Улан-Удэ см. (Карбаинов 2004).

«продвинутыми». В данном случае домашний мир* критикуется с точки зрения индустриального мира.

Также важно упомянуть о критике домашнего мира с точки зрения мира рынка. «Самовольщики» рассматриваются как люди, которые не смогли приспособиться к новым рыночным условиям и которые продолжают «жить прошлым», ожидая помощи со стороны государства. Дело в том, что в качестве одного из способов решения проблемы «нахаловок» городские чиновники предлагают «самовольщикам» покупать земельные участки на аукционах в других частях города. Именно этот способ приобретения земли после принятия нового Земельного кодекса РФ является единственным законным способом. Однако многие «самовольщики» не имеют денежных средств, чтобы приобрести участок на аукционе, и поэтому продолжают жить в «нахаловках».

Позиция «самовольщиков»

В данном разделе я буду исходить из следующего тезиса — стратегия обоснования прав собственности на землю, к которой прибегают «самовольщики», строится на апелляции как к обычно-правовым представлениям, так и к нормам государственного права. Здесь мы имеем дело с правовым порядком, который сторонники концепции правового плюрализма называют «местным правом» (local law). На локальном уровне происходит смешение нескольких нормативных систем — обычно-правовых представлений, элементов старого и нового государственного права (Benda-Beckmann et al. 1997). Приведем основные аргументы, на которых строится стратегия обоснования «самовольщиков».

Переезд в Улан-Удэ и присвоение земли является вынужденной мерой. Данный аргумент выступает отправной точкой многих интервью, которые я проводил с жителями «нахаловок». С этого же аргумента начинаются обращения и телеграммы, адресованные высшим лицам государственной власти. В качестве примера приведу отрывок из обращения на имя президента Бурятии В.В. Наговицына: *«В свое время из-за тяжелого материального положения, отсутствия рабочих мест в результате развала республиканского сельскохозяйственного производства и других, такого же рода причин, мы вынуждены были покинуть свои родные деревни и умершие совхозы, чтобы перебраться ближе к городу, столице Бурятии —*

* Домашний мир формируется вокруг понятий доверия, личных отношений, традиций и обычаев. Объекты данного мира — это домашний очаг, родина. Нарушением принципа справедливости в данном случае будет считаться нарушение иерархии отношений, нечестность в отношениях, предательство. (Болтански, Тевено 2000: 77–79).

Улан-Удэ. И, не во имя “красивой жизни”, ночных клубов и ресторанов, а для того, чтобы выжить, отыскав здесь какую-либо работу и дать детям мало-мальски нормальное образование, чего уже давно нет в районах, а тем более в малых населенных пунктах, откуда, в основном, мы родом». В этом нарративе город сравнивается с селом. Деревня — это место разрушения экономической и социальной инфраструктуры, место, непригодное для жизни, место, где нет будущего. Город — место, где есть рабочие места и возможность дать образование детям. Таким образом, происходит обращение, с одной стороны, к объектам индустриального мира — «сельскохозяйственное производство», «умершие совхозы» и т. д., с другой, к субъектам домашнего мира — детям. В результате складывается компромисс индустриального и домашнего миров. Именно в рамках данного компромисса формулируется главная цель вынужденного переезда — обеспечение будущего детей. Обращение к этой конвенции позволяет требовать сельским мигрантам особого к ним отношения и исключения из правил.

Однако в городе они не встречают понимания со стороны городских властей. Из телеграммы на имя президента РФ Д.А. Медведева: *«В связи с отсутствием денежных средств и навыков городской жизни (умение и желание давать взятки и пр.) люди не смогли получить земельные участки в окрестностях города, и вынуждены были заселиться самовольно и таким образом решить главную свою проблему на тот период — жилье».* В телеграмме говорится о трех возможных способах получения земли: 1) купить земельный участок (т. к. «самовольщики» не состоятельны с точки зрения мира рынка, этот способ исключается); 2) дать взятку чиновникам и, таким образом, получить разрешение на земельный участок (здесь происходит критика домашнего мира с точки зрения гражданского мира); 3) самовольно захватить землю. В последнем случае «самовольщики» признают себя нарушителями закона, т. е. критикуют себя с точки зрения гражданского мира. Но исключительная ситуация, в которой они оказались, дает им право претендовать на эту землю. Причем земля им нужна, чтобы построить жилье. Таким образом, устанавливается связь земли с жильем — объектом домашнего мира. Именно жилье, построенное на городской земле, дает «самовольщикам» шанс обеспечить будущее своих детей (индустриально-домашний компромисс).

Земля, которую огораживают «самовольщики», оценивается ими как «ничейная». Из интервью с «самовольщиком»: «До того как мы огородили этот участок, здесь никто не жил, был пустырь, то есть ничейная земля. Мы этот участок благоустроили, как смогли, построили дом. На окраинах Улан-Удэ полно бесхозной земли, властям до поры до времени не было до нее

дела. *А сейчас стали бегать, кричать, что это типа государственная земля, уходите. Конечно, мы понимаем, это государственная земля, но она же никак не использовалась, а мы ее обжили*. В данном нарративе государственная земля оценивается как «ничейная земля» только в том случае, если она не используется с точки зрения домашнего мира. Использование земли в рамках домашнего мира — это создание домашнего очага, дома на земле. Таким образом, земля в рамках домашнего мира может быть «ничейной» и «обжитой».

С точки зрения государственного права (гражданский мир), как я уже упоминал, не может быть «ничейной земли». Оценка земли как «ничейной» становится возможной в рамках обычного права. Система обычного права основана на традициях и обычаях, т. е. на объектах домашнего мира. Именно нормами обычного права обосновывается практика так называемой «захватной» системы землевладения, которая была широко распространена, например, в Сибири в прошлых столетиях.

Земля, на которой поселились «самовольщики», является «землей предков», «родной землей». Из интервью с правозащитником: *«Они ведь понимают, что это их родная земля. Это же — буряты или уроженцы Бурятии, у них нет земель родовых во «франциях» или в «бельгиях», вот это их родина. Они жили здесь всегда, в этой земле кости их предков, в этой земле их история*». Этот нарратив строится вокруг центрального представления о земле в обычном праве (Бочаров, Рябикин 2005). Здесь устанавливается связь земли с предками, прошлым, т. е. земля оценивается в рамках домашнего мира. «Родная земля» — это ограниченное пространство, право на которое человек получает по рождению.

Как уроженцы Бурятии, «самовольщики» не могут претендовать на «чужую землю», так и «чужаки» не могут притязать на их «родную землю», даже в том случае, когда «чужаки» имеют на нее право в рамках других миров. Из интервью с жителем «нахаловки» в поселке Солдатском: *«По дворам ходят лица кавказской национальности и говорят, что они эту землю купили. Они вроде хотят строить в Солдатском вдоль трассы бордели, казино и другие веселые заведения. Я ничего не имею против лиц кавказской национальности, но у них же есть там своя земля, там, в Армении, в Грузии, мы же туда не лезем. Пускай у нас тоже будет казино, там всякие бордели, но не в ущерб же жилью*». В этом нарративе мы можем наблюдать критику мира рынка с точки зрения домашнего мира. Несмотря на то, что «лица кавказской национальности» купили эту землю, т. е. оказались состоятельны в рамках мира рынка, они не могут претендовать на эту землю с точки зрения домашнего мира, т. к. у них есть своя «родная земля».

«Самовольщики» — граждане России, и поэтому они имеют право на эту землю. Жители «нахаловки» апеллируют не только к обычно-право-

вым представлениям, но и пытаются себя вписать в рамки государственного права. В качестве примера можно выступление на митинге «самовольщиков»: *«Хотя статья 222 вышла в Земельном кодексе [в Гражданском кодексе — Н. К.] о самовольно построенных домах. Только у нас не «самоволки», наши «самоволки» возникли до выхода Земельного кодекса в 2002 году. Люди приехали в Улан-Удэ не для того, чтобы решать проблемы бандитизма, а проблемы жилья. Жить — вот основная наша проблема. Есть статья Конституции Российской Федерации 36-я, есть такое право, право на жилище»*. В данном случае житель «нахаловки» апеллирует, во-первых, к Земельному кодексу, чтобы доказать, что «самовольщики» не нарушают законы. Во-вторых, он отсылает к статье 36 Конституции РФ, гарантирующей право на жилье. Таким образом, «самовольщики» обращаются к вещам гражданского мира — законам. Соответственно, себя они оценивают в рамках гражданского мира как избирателей, граждан России. Самоназвание «самовольщики» также отсылает к гражданскому миру — жители «нахаловок» в какой-то степени признают себя нарушителями законов. Но нарушение законов с точки зрения «самовольщиков», как я уже упомянул выше, является вынужденной мерой (обеспечение будущего детей — индустриально-гражданский компромисс). Поэтому жители «нахаловок» пытаются легализовать свои дома и земельные участки и таким образом отвечать требованиям государственного права и соответственно требованиям гражданского мира, тем более что Основной закон гарантирует право на жилье. В результате складывается компромисс домашнего и гражданского миров, устанавливается связь земли с жильем (домашний мир) и с правом на жилье (гражданский мир).

Несмотря на то, что «самовольщики» пытаются узаконить захваченные земельные участки, сделать это им мешают городские и республиканские власти: *«Мы не против законов, того, что написано в Конституции, а против того, что наши чиновники за деньги, за взятки кому-то дают разрешение на землю бесплатно, а кому-то не положено, то есть нормальному советскому, российскому человеку»*. В данном нарративе подвергаются критике действия чиновников в рамках домашнего мира с точки зрения гражданского мира. Чиновники обвиняются в коррупции, клановости. Предполагается, что к земле должен быть равный доступ всех *«российских людей»* без исключения.

Также с точки зрения гражданского мира критикуются правила, существующие в рамках индустриального мира: *«Говорят, что нахаловка находится в “шумовой зоне” и поэтому нас надо снести. Тогда почему не сносят узаконенную часть поселка [поселок Солдатский — Н. К.], они же тоже находятся в “шумовой зоне”? как и нахаловка. Где справедливость?»*.

В данном случае происходит апелляция к идее равенства всех граждан перед законом — центральной идее гражданского мира.

Подвергаются критике в рамках гражданского мира и ценности мира рынка. Из телеграммы, адресованной президенту РФ Д.А. Медведеву: «А теперь в связи с тем, что земля стала продаваемой и, причем весьма, власти стали сгонять людей с обжитых мест в угоду богатым покупателям». Власти, продавая землю богатым покупателям, также подвергают сомнению идею равенства. Поэтому «самовольщики» считают, что земля не должна быть объектом купли-продажи («Нет купле-продаже земли» — лозунг на митинге «самовольщиков»), и к земле должен быть обеспечен равный доступ граждан, чтобы строить на ней жилье (гражданско-домашний компромисс). Здесь важно отметить, что «самовольщики» избирательно относятся к нормам государственного права: они принимают те нормы, которые соотносятся с гражданско-домашним компромиссом (право на жилье — Конституция РФ) и не принимают тех норм, которые с данным компромиссом не соотносятся (новый Земельный кодекс РФ).

Итак, стратегия обоснования прав собственности на землю, к которой прибегают представители городских властей Улан-Удэ, строится на апелляции к гражданскому и земельному законодательству, технологическим предписаниям и другим нормам, санкционированным государством. Обоснование прав собственности происходит через индустриально-гражданский и индустриально-рыночный компромиссы.

Стратегия обоснования, которую используют «самовольщики», строится на апелляции как к обычно-правовым представлениям (домашний мир), так и к нормам государственного права (гражданский мир). Таким образом, нельзя сводить отношения к собственности на землю только к конфликту государственного и обычного права. Для локального уровня характерно смешение норм государственного права с обычно-правовыми представлениями.

Литература

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности / Пер. с англ. К.А. Виноградовой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 66–83.

Бочаров В.В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридико-антропологического анализа) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 173–199.

Бочаров В.В., Рябкин А.И. Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 1. С. 150–170.

Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М.: ИМЭМО АН СССР, 1990.

Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии. 2004. № 2 (25). С. 170–183.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 136–139.

Панарин С.А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М. — Иркутск: «Наталис», 2005. С. 23–94.

Скотт Дж. Благими намерениями государства / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.А. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.

Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества / Пер. с англ. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 84–111.

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности / Пер. с англ. О. Ковеневой // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–312.

Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Spiertz J. Local law and customary practices in the study of water rights // Water rights, conflict and policy / Ed. R. Pradhan, F. Benda-Beckmann, K. Benda-Beckmann, H.L.J. Spiertz, S. Shantam Khadka & K. Azharul Haq. Colombo: IIMI, 1997.

Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. No 24. Pp. 1–50.

Guillet D. Rethinking legal pluralism: Local law and state law in the evolution of water property rights in northwestern Spain // Comparative Studies in Society and History. 1998. No 2. Pp. 97–117.

Hardoy J., Satterthwaite D. Squatter Citizen: Life in the urban Third World. London: Earthscan, London, 1989.

Merry S. Legal pluralism // Law and Society Review. 1988. No 22. Pp. 869–896.

Moore S. Law and Social Change: The Semi-autonomous field as an appropriate field of study // Law and Society Review. 1973. No 70. Pp. 719–746.

Roy A. Urban Informality: Toward an Epistemology of Planning // Journal of the American Planning Association. 2005. Spring. Vol. 71. No 2. Pp. 147–158.

Zhimbiev B. History of Urbanization of Siberian City: Ulan-Ude. Cambridge: The White Horse Press, 2000.

Источники

Анхонова Т. Самовольщики смогут переселиться в Тарбагатай // Информ-полис. 20 июня 2007.

Выступления на митинге «самовольщиков», 28 августа 2006.

Интервью с жителем «нахаловки», М., 48 лет, 2008 г.

Интервью с жителем «нахаловки», М., 56 лет, 2006 г.

Интервью с жительницей «нахаловки», Ж., 37 лет, 2008 г.

Интервью с жительницей «нахаловки», Ж., 55 лет, 2006 г.

Карбаинов Н.И. Стратегии обоснования прав собственности на землю...

Интервью с правозащитником Е.Д. Боржоновым, 2006 г.

Исковое заявление прокуратуры Октябрьского района города Улан-Удэ.
22.10.2004, № 24/04.

Махачкеев А. Лицо города // Московский Комсомолец в Бурятии, 23 июня 2006.

Махачкеев А. «Нахальный» тормоз аэропорта // Московский Комсомолец в Бурятии, 18 июня 2008.

Минерт Л. Архитектура города Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурятиздат, 1983.

Обращение к президенту Республики Бурятия В.В. Наговицыну от жителей поселка Новая Комушка — граждан России. Январь 2008 г.

Родионов Д. В Улан-Удэ чиновники подают пример самовольного захвата федеральных земель // Московский Комсомолец в Бурятии, 26 марта 2008.

Телеграмма президенту РФ Д.А. Медведеву от «самовольщиков»
05.05.2008 г.

Шевцова Е. Горожан проверят на зрелость. «Улан-Удэ для улан-удэнцев» или «город открытых дверей»? // Номер Один в Бурятии, 5 мая 2004.

Шишкина В. За «самоволки» возьмутся всерьез // Номер один в Бурятии, 28 декабря 2007.